

*Сидоренко
Зоя Петровна*

Воспоминания

Детство

Я, Сидоренко-Васильева Зоя Петровна, родилась 25 сентября 1935 года в городе Сталинграде.

Отец мой, Васильев Петр Николаевич, родился в Сталинграде (в Царицыне, 1908-1978), мать моя, Васильева (Шутова) Елена Сергеевна родилась в Царицыне (1909-1942). Мои родители жили в многодетной семье. У дедушки по маминой линии, Сергея Фроловича (1876-1937), и бабушки, Натальи Ивановны (1880-1934), было семеро детей: Илья, Александр, Анна, Николай, Елена, Антонина, Мария. Было еще четверо детей, но они умерли в младенчестве. В настоящее время в живых никого нет.

По отцовской линии детей было четверо: Яков, Анна, Степан, Петр. Также в живых никого нет.

Жили мы на Дар-горе, на Уржумской улице. Этот дом построил мой дедушка, Сергей Фролович. Дом был Г-образной формы. В одной половине жили мама, папа и я, в другой половине жил мамин родной брат Николай с семьей – жена Любовь Михайловна, сын Геннадий (1925) и дочь Тамара (1928). Николай умер в год, когда родилась я, в 1935 году, тетя Люба постоянно была в разъездах, работала начпоезда. Мама работала на швейной фабрике «8 марта», а отец был директором магазина, где одна половина была продуктовой, а другая – промтоварной. Все мы жили дружной, одной семьей. Вначале я была у всех на подхвате. Летом наливали мне целое корыто воды, от солнца вода нагревалась, и я целый день в ней плескалась. Или заваливали меня игрушками. Однажды я проснулась, а у меня поверх одеяла были рассыпаны разноцветные леденцы разной формы, я стала играть, и про меня на некоторое время забыли. На день рождения мне подарили красивую говорящую куклу. С этой куклой меня сфотографировали, но мне было интересно, как она разговаривает, и я ее разобрала по частям, но ничего там я не нашла. Чтобы меня не ругали, я ее закопала. Куклу было уже не вернуть, но на фото она осталась со мной.

Вскоре меня отдали в детский садик. Но на этом закончилось мое счастливое детство: началась Великая Отечественная война.

Война

Начало войны я почувствовала, потому что в доме отца стало меньше людей. Отца в первый день забрали на фронт, маму забрали на рубежи, брат тоже ушел добровольцем, дома оставались я и сестра Тамара. Помню, как мама и тетя Люба во дворе рыли яму и туда закладывали вещи. Но оказалось все зря, так как при бомбежке все наше хозяйство сравняло с землей. Стояло очень жаркое пекло, мы остались, в чем были. Самая страшная бомбежка была 23 августа 1942 года.

Вначале был страшный рев, потом стало темно: это летели самолеты очень низко, мы видели лица фашистов. Бомбы летели так часто, мама упала на землю, закрыв меня своим телом, нас стало засыпать землей. Вдруг меня что-то сильно обожгло, а мама откинулась вбок. Я так сильно орала, что потеряла голос. После небольшого затишья военные машины собирали раненых и мертвых. Я оказалась в одной машине, а маму увезли в другой. Так как от ора я потеряла голос, меня никто в этом аду не слышал, хотя я орала от боли и бессилия. Меня привезли в какой-то медпункт, а куда отвезли мою маму, теперь никто мне не скажет.

Потом погрузили нас в товарные вагоны и, как я потом узнала, везли в сторону Саратова. Сколько мы ехали, я не знаю, все это время я лежала в самом углу. Выносил меня из вагона мужчина-санитар, нес он меня на вытянутых руках и все что-то приговаривал: «Она все в кале». После всех пережитых страхов я оказалась в палате на кровати.

Со мной в одной палате лежал мальчик вместе с мамой, однажды я услышала, как его мама стала шептать ему, что завтра Зою повезут на операцию. Я поняла, что в операционной мне не будут делать перевязку, потому что было мно-

го докторов. Все были в масках и в длинных, до пола, кожаных фартуках. От страха я стала как парализованная, и все, что потом происходило, воспринимала автоматически. Меня положили на длинный холодный стол, накрыли белой простыней, и я провалилась в бездну. Пришла в сознание я уже на кровати и почему-то привязанная. Первое впечатление было, что нога моя на месте (так бывает и сейчас), а потом я стала искать ногу, но её там не было.

Со мной случилась истерика. Я кричала, чтобы мне назад вернули ногу, что отрезали по ошибке, что отрезать должны были мальчику, но его не дала его мама, а у меня не было мамы, поэтому взяли меня. Моей истерике не было конца, и только укол отключил меня от бытия. В последующие дни я все время хотела спать. По палате я постепенно стала передвигаться при помощи табуретки. Рана моя еще не совсем зажила, меня отправили в детдом.

Детдом

Детдом находился в селе Саратовской области (Базарно-карбулакский район), помещение было барачного типа, никакой мебели не было, вместо кроватей вдоль стены стояли деревянные нары, матрасы были набиты соломой, но одеяла были у каждого, про подушки не помню. Самое неприятное было то, что мы постоянно чесались: у всех были вши и в головах, и в белье. Нас, младших детей, стригли наголо. По ночам по нам бегали здоровые крысы, нас они не боялись. Мальчишки их убивали из рогатки. Водили нас в баню, мылись из тазиков. Иногда нас смотрели врачи, проверяли на вшивость. Одна доктор очень долго меня смотрела, а потом сказала: «Какая шикарная девочка». Я это слово слышала впервые, а когда меня спросили, что сказала доктор, я ответила, что она назвала меня шоколадной, все засмеялись и сказали, что теперь меня съедят. Плотник сделал мне костыли, и я теперь могла обходиться без табуретки. Нам не запрещали выходить за территорию, и мы могли выходить в поле, на речку. Там мы находили разные травы:

сурепку, молочай, калачики, даже на берегу речки выкапывали глину и сосали вместо шоколада. Собирали желуди, а по вечерам на костре жарили на жестянке и ели. Я от них чуть не умерла, наверное, переела. По утрам давали кашу, в обед – суп и хлеб, в обязательной форме ложку рыбьего жира. Если кто его не переносил, то жир выливали в суп – это было самое отвратительное, до рвоты. На ужин тоже была каша. К концу войны нам по праздникам давали подарки: маленький стаканчик сахара, побольше стакан – макуху (жмых) и квадратик настоящего шоколада.

В это время я уже ходила в школу в первый класс. Учились мы вместе с местными ребятами, так мы этот квадратик пополам меняли на хлеб. Зимой в школу меня возили на санках старшие девочки. Я даже помню их красивые имена – Аврора и Флора. Где они теперь, эти красивые девочки? Некоторых я помню до сих пор. Помню Ваську-кота, который в отличие от всех любил рыбий жир. Помню двух еврейских мальчиков: Гриша побольше, Изя поменьше. Они всегда стояли вместе у стеночки, и вид у них был очень печальный. Мне всегда их было жалко.

Конец войне

В селе был дом культуры, мы смотрели концерт, вдруг влетает человек и кричит: «Войне конец!!!» Из зала все с криком выбежали на площадь, а там уже успели поставить из досок трибуну, и человек громко кричал, радостно, со слезами на глазах: «Победа! Победа!» Все радовались, обнимались, целовались, кричали ура и до самого вечера все гуляли и пели песни. Все детдомовцы тоже были возбуждены, и каждый уже мечтал, что их обязательно найдут.

Первыми счастливыми оказались два еврейских мальчика. За ними приехали на подводе, запряженной лошадью, которую кучер кормил макухой. У нас чуть не лопнули глаза от зависти. Я думала, какие они счастливые, теперь могут есть макуху не только по праздникам, но и каждый день.

Постепенно стали приезжать за детьми и другие родители. Уехали мои красивые девочки, куда-то исчез Васьякот, хотя и рыбий жир перестали давать, и постепенно стал редеть детдом. Помню, как в детдом пришла посылка с вещами (говорили, из Америки). Мне досталось красное пальто необыкновенной красоты, с карманами и золотыми пуговицами. Счастью моему не было предела. Однажды и меня вызвала к себе директор и сказала, что за мной едет отец, моя реакция была спокойной, мне хотелось увидеть маму. Отец приехал, когда мы уже легли спать. Он быстро нашел меня, крепко обнял и заплакал, он в последний момент узнал, что у меня нет ноги. Мой первый вопрос был, где моя мама. Он сказал, что она ждет меня дома, но это другая мама. Я заплакала и сказала, что никакой другой мамы мне не надо, и я никуда из детдома не поеду. Он стал меня убеждать, уговаривать, что она хорошая и очень меня ждет. Я немного успокоилась, а мои девчонки, несмотря на глубокую ночь, стали моему отцу показывать концерт (пели, танцевали, акробатику показывали и все, что кто умел), и все это продолжалось до утра, к концерту присоединились воспитатели. Было и грустно, и весело.

Уезжали мы с большими трудностями, плохо ходили поезда, билетов не достать, и только при помощи ходатайства нач. народного образования мы смогли уехать (прилагается справка).

Привез отец меня в Сталинград, на улицу угол Свирской и Волховской, напротив был дом ватной фабрики. Дом случайно сохранился, из крошечных перегородок образовались комнатки, в которых ютились по 5-6 человек на 10-12 м². Встретили меня без всякой радости, мачеха суежилась в углу, на стуле сидела огромная тетка с девочкой лет семи на коленях и также без добрых эмоций. Мне стало грустно и страшно. Я стала просить отца, чтобы он меня отвез назад. Он молчал и только гладил по спине. Спать меня положили на сундуке. На следующий день меня отец повел к своей родной сестре Анне Николаевне. Их дом также разбомбили, и они устроились в воронке от бомбежки большого дома. Тетя

жила с дочкой, тоже Зоей, на год младше меня. Воронка была очень глубокая, и однажды пошел сильный дождь, и водяные потоки затопили воронку, все вещи плавали наверху. Они остались без всего. Две мои тетки жили в г. Жданове, в общем, отец не знал, куда меня деть. Мачеха постоянно ругалась с отцом. Любимым занятием тетки было докладывать мачехе, что делали мы с отцом, а мачеха после каждого выговора говорила: «Это тебя в детдоме научили». Однажды она меня не пустила в дом ночевать, а бросила мне фуфайку. Я на ночь устроилась на деревянном топчане, а утром не могла открыть глаза, лицо было все искусано мелкими тварями. Были мысли о суициде, был момент, что я чуть не бросилась под поезд, он прошел очень близко от меня.

Мое спасение пришло внезапно. Отец узнал, что в Бекетовке есть училище, куда набирают учиться девочек-сирот швейному делу, мой возраст позволял туда поступить. Когда мы приехали туда, прием был уже закончен, но около кабинета директора стояли около десяти девочек в надежде на удачу. Стояли мы долго, и когда вышла директор, все со страхом ждали ее решения. Она посмотрела на всех внимательно и сказала, что могут взять только двух, и указала на меня и на Гету (дите Ленинграда), остальные могут быть свободны. Так оказалась я воспитанницей специального училища швейников набора 1948 г. Получилось, что я никому была не нужна по жизни, и нельзя мне теперь плыть по течению, а нужно постоянно головой пробивать стену, что я и делала. Ремесленное училище находилось в Бекетовке в большом желтом здании. Район Бекетовки – это малая родина Александры Пахмутовой.

Ремесленное училище

Жизнь в училище была полувоенного типа. Был строгий распорядок дня. Жили в огромных комнатах по две группы – 10 гр. наша и 11 гр., каждая по 30 человек. Свою группу я помню до сих пор по списку (прилагаю). Ходили везде стро-

ем (вплоть до туалета). Одевали нас по уставу, каждый вид одежды выдавали на определенный срок.

Утро начиналось с зарядки, потом туалет, обязательно построение в актовом зале. В каждой группе была староста (у нас была Фая Родина, а в училище старшиной была Ида Куницына). Каждая староста группы сдавала рапорт старшине училища о состоянии группы, и так каждая группа. Все построение заканчивалось пением гимна Советского Союза, и это делалось два раза в день, утром и вечером. Потом строем шли на завтрак. Кормили нас сытно, особенно запомнились ужины, когда часто давали по большому куску пирога с капустой и миногой.

После завтрака шли в учебные классы на занятия. Учителя у нас были приходящие, не помню, чтобы когда-нибудь кто-то чем-то был недоволен. Особенно мы любили учительницу русского языка и литературы Анну Петровну за ее любовь к своему предмету, за хорошее к нам отношение. А как она вела свои уроки! Читала не просто текст, выговаривала каждый персонаж. Моя любовь к этому предмету осталась на всю жизнь, кроме отличных оценок я других не получала, и такой учительницы я больше не встречала.

Однажды на уроке немецкого языка со мной произошла большая неприятность. Этот предмет я не любила и не очень старалась, и когда учительница попросила назвать слово женского рода, кто-то сзади меня шепотом сказал «дишайзе», я тут же громко повторила. После выяснения я призналась, за что получила жирную двойку. Вообще по всем предметам я училась хорошо, и эта двойка поставила меня в шоковое состояние. Это значило, что на вечернем построении мне придется стоять перед всем училищем, и на меня будут все четыреста человек смотреть и осуждать. Я так расстроилась, что стала реветь. К вечеру у меня поднялась температура, стало тошнить, и доктор уложила меня в постель и лечила таблетками. На построении староста доложила о моей двойке, но я избежала позорного столба. Этот эпизод навсегда врезался в мою память.

В училище был медпункт, в целом больных почти не было. Основная задача состояла в том, что каждый день нам давали по таблетке акрихина. Медсестрой была маленькая полная женщина, звали ее Ирина, но по училищу ее все звали «Ирина – мать акрихина». Только одна девочка Женечка была ее постоянной клиенткой, она всегда была при ней неотлучно, и какая у нее болезнь никто точно не знал.

Хотя в училище было 400 человек и все девочки, но комнаты гигиены не было предусмотрено, не было и предметов гигиены. У многих критические дни сопровождались болями. Лежать на кроватях не разрешалось, так я ложилась под кровать, животом прижималась к холодному полу и всеми силами старалась унять боль.

В спортивном зале проходили уроки физкультуры, работала там семейная пара: он – Александр Иванович и она – Александра Ивановна. В этом зале проводились культурные мероприятия. Однажды к нам приезжал Поль Робсон – американский певец и политический деятель. Большое внимание уделялось строевой подготовке. Так как в торжественные дни на парадах трудовые резервы тоже проходили колонной мимо трибун.

Проводились олимпиады по художественной самодеятельности среди трудовых резервов, были певцы, чтецы, танцоры, акробаты. Хорошо пела Люда Дрокова из старшей группы. Одна девочка, Нонна Тэн, очень увлекалась драматургией и после окончания училища поступила во ВГИК и впоследствии снялась в кино «Угрюм-река» в роли лесной девы Синильги. Директором нашего училища была Шишкина Анна Ивановна, которая сочетала в себе строгость, элегантность, красоту, ум и другие положительные качества. Все ее уважали и немного побаивались. Одевалась она строго и обязательно ходила на высоких каблуках, стук которых был слышен в начале коридора. Когда она проходила по коридору, то девочки, мимо которых она шла, замирали по стойке смирно и стояли, как приклеенные к стенке, до тех пор, пока затихал стук ее каблучков. Вся эта процедура говорит не о боязни, а о глубоком уважении.

Камышин

После двух лет обучения в Сталинграде наше училище перевезли в город на Волге Камышин. В Сталинграде мы закончили 7 классов, а специальности швеи предстояло учиться на новом месте. Здание было огромное и находилось на очень крутом берегу, огороженное забором. Вплотную к нам находилась территория городской больницы, и совсем близко к забору стоял небольшой деревянный домик в одно окошко – морг. С этим моргом связана одна очень печальная история.

На новом месте жизнь в корне изменилась. Закончились каждодневные построения, пения гимна два раза в день. Свободно выходили на территорию и за нее, даже можно было выходить в город. Комната наша, спальня, находилась на втором этаже, в самом конце здания, и нам было все видно, что делалось на территории больницы. Самое неприятное, что учебное здание было большое, и туалет находился в другом конце здания, и ночью хождение по этому коридору вызывало какую-то жуть, особенно если в огромных окнах светила яркая луна – просто мистика.

Учебные классы находились на первом этаже, в центре класса стоял один большой стол, а мы сидели все вокруг него. Особенно вечером было плохое освещение, горела одна лампочка, высоко подвешенная. Мы вместе со стульями забирались на стол, садились ближе к лампочке и шили. Наша группа специализировалась на женской верхней одежде. Учил нас добрейший Иван Назарович – портной-самоучка, образования не имел специального, но свою работу знал отлично, никогда ни на кого не повышал голос, всегда говорил тихо и с уважением. Ко мне он обращался примерно так: «Зююшка, ты зачем так кромочку перетягиваешь, отпусти ее, а то полочка будет задираться». Каждому он находил доброе слово, за это мы его все уважали. После училища нас по распределению разбросали по всему городу, и какая судьба досталась добрейшему Ивану Назаровичу никто не знает.

Директора у нас менялись так часто, что мы не успевали их запоминать. В основном, наше воспитание находилось в руках воспитателей, которые за нами следили, но никто никого не наказывал. Наша воспитательница, Мария Петровна, сама имела маленьких детей и часто приходила с заплаканными глазами: видно дома что-то было не в порядке. Единственно строем мы ходили в столовую. Запомнилась некоторая разница в питании. В целом мы не голодали, но если в Сталинграде на ужин часто давали пироги с капустой и миногой, то в Камышине часто на ужин давали селедку и картошку в мундире целую кастрюлю, так что все были сыты и довольны.

Я писала, что наше училище находилось на крутом берегу Волги. Однажды среди ночи раздался сильнейший треск, все училище как по команде высыпало во двор, думали, что произошло что-то страшное, а оказалось, начался ледоход. Это треснул лед поперек Волги, а потом льдины стали громяться друг на друга. Такого явления в жизни я не видела, и стояли мы долго, не могли оторвать глаз.

Смерть

С переездом училища в г. Камышин Женечка осиротела, больше не было около нее «Ирины – мать акрихины». Ходила она грустная, одинокая, не входила в контакт с девочками ее группы, и при встрече с ней сжималось сердце. Однажды случилось то, что Женя умерла в больнице и уже лежала в морге. За все годы обучения это был первый случай, все были в шоке. Морг был на границе нашего училища, и все девочки направились туда. Чтобы заглянуть в окно кто-то принес большой камень. В морге было три стола, на среднем лежала Женя. Ее я вначале не узнала. Женечка лежала, вытянутая как струна, и касались стола только пятки, попа, лопатки и голова, и что завораживало, так это ее волосы, которые свисали до самого пол. Мертвая она была просто красавица. Гроб с телом поставили на сцене в актовом зале, весь закрытый цветами. Хоронили Женечку всем

училищем, все плакали, и осталась лежать она на кладбище в г. Камышине. Узнала ли «мать акрихины» о своей подопечной – не известно, больше родных у нее не было. Помянули Женечку в столовой по русскому обычаю, без спиртного, вместо него сладким компотом.

Закончились наши два года учения в Камышине, и нас снова повезли в Сталинград. До Сталинграда плыли пароходом, где нас уже встречали руководители, и уже все знали свои места распределения по всему городу, кто в ателье, кто в мастерские, кто на массовку. Я попала в ателье в районе Кр. Баррикад. Ателье размещалось в полуподвальном помещении. Определили меня в бригаду Анны Павловны по пошиву женской верхней одежды (11 человек). Закройщиком у нас был Иван Степанович, виртуоз своего дела, работал как играл: красиво, быстро, легко, без переделок, и все заказчики стремились попасть именно к нему. Кроме нашей бригады в ателье работали бригады по пошиву женского платья, бригада по пошиву мужских пальто и костюмов, а также один человек по изготовлению мужских брюк. Всего в ателье попало 15-16 человек наших выпускников. Жить нас определили в бараки вместе со строителями по 5-6 человек. Выдали нам ткань, вату, и мы после работы оставались и шили себе матрасы и теплые одеяла, а потом постепенно вычитали с зарплаты деньги за материал. Наша бригадир Анна Павловна Агеева нас всегда подкармливала пирожками и разными соленьями. Мы были очень стеснительными и всегда отказывались, но после длительных уговоров сдавались.

На Баррикадах был прекрасный парк, там был летний кинотеатр, танцплощадка, и после работы девчонки время проводили в парке. Несколько девчонок записались в вечернюю школу, в том числе и я. Школа была близко, через дорогу. Со временем все девчонки школу бросили, остались я и Шура Перфилова, которая вскоре вышла замуж, да и другие многие повыходили замуж. Женихов было много. Рядом с нашим общежитием было два мужских общежития. У некоторых родились дети.

Работала я с удовольствием, быстро и качественно, остальное время читала в бригаде газеты или журналы, в общем, взялась добровольно быть агитатором. Наш парторг, Галухина Ольга Егоровна, дала рекомендацию для вступления в кандидаты КПСС. На правлении меня наградили значком «Отличник промкооперации». Школу я закончила успешно и захотела учиться дальше по своей профессии. Получив направление, я поехала в Москву. Там находилась Высшая Школа промкооперации. Сдав успешно вступительные экзамены, я временно стала москвичкой-студенткой.

Москва

Наступило самое прекрасное время. В институте учились студенты со всего Советского Союза – таджики, узбеки, грузины, армяне, украинцы, молдаване и ребята других национальностей. У меня появилось много друзей. На всю жизнь мы стали друзьями с Сашей Кайдаловой, Валею Саенко из Украины, Машей Авдеевой из Краснодара, Фаиной Эйдельман – поэтессой, которая посвятила мне очень трогательное стихотворение. С Сашей Кайдаловой мы до сих пор общаемся по телефону и ездим друг к другу в гости. Мой старший сын также был у нее в гостях.

К моему великому сожалению в настоящее время нет в живых Вали Саенко и Маши Авдеевой. След Фаины Эйдельман где-то затерялся, но память о моих друзьях осталась на многих фотографиях.

Учились мы с удовольствием, но всегда помнили, что мы живем в Москве, поэтому не забывали, что есть еще театры, музеи, концерты и другие места. Мне очень повезло, что Саша была моей главной подружкой. Наш первый визит был в Большой театр на оперу «Демон». Главную партию демона исполнял болгарский певец Ник Гяуров – великолепный голос, внушительная внешность, а за Тамару пела народная артистка СССР Шумская, замечательный голос, но полная, поэтому она всегда находилась в затемнении. Ария Демона «И будешь ты царицей мира» произвела на меня большое

МАМА ВОДЕЛЬМАН.

Ей природа подарила много:
Волны золотистые волос,
Блеск в глазах то ласковый, то строгий,
Маленький прямой загорный нос,

Длинные пушистые ресницы,
Кеиственные линии руки.
Но при встрече с ней темнеет лица—
У моей подруги нет ног!

В дни войны в селе под Сталинградом,
Когда небо начало дрожать,
К девочке играющей за оградой
Мама не успела подбежать.

Бомби взрыв в ужасное мгновенье
Девочку оставил сиротой,
Ногу оторвал с остервененьем,
Отделил от мира пленотой.

Ей с годами все что было в силах
Родина моя сумела дать.

В детском доме девочку растила,
Помогает инженером стать.

Для неё не стала жизнь несчастьем
В нашей замечательной стране,
Но её косталь звучит проклятьем,
Бичим обличителем войне!!

сентябрь 1959 года

Мама родные
милые Зое сиб
августа.

Зояша
сентябрь 1959.
В.И.И.И.

Отец
Васильев Петр Николаевич
(1908 - 1978)

Мне 5 лет
1940 год

Мама
Васильева (Шутова) Елена Сергеевна
(1909 - 1942)

Группа №10
Ремесленного училища №2
г. Камышин
1952 год

Последний год
в ремесленном училище,
рядом староста группы
Родина Фая

Здесь
я училась

Москва,
выпускная фотография

Моя институтская группа
с руководителями,
в центре - ректор Бодунков

В институте,
Москва

Ленинград,
Эрмитаж,
преддипломная
практика,
1961 год

Мои
лучшие подруги
Кайдалова Саша
Эйдельман Фаина

Первый день
работы
в техникуме.

Первый директор
Новиков Петр Иванович,
рядом Лаврова
Нина Степановна
- сокурсница

Муж
Евгений Леонидович
(1937 - 1984)

Мы молодожены
1964 год

Вечер встречи
с выпускниками.
В центре - директор
техникума Кекеджан
Владимир Анатольевич,
слева - Коновалова
Тамара Михайловна - завуч,
и Сидоренко
Зоя Петровна, спиной
сидит Евгений - мой сын.

Вечер встречи
с выпускниками.
Выступает завуч
Коновалова
Тамара Михайловна.
Снизу я.

Мои сыновья:
Евгений (1965)
Алексей (1970 - 2010)

Москва.
Служба в армии.

впечатление, я ночью вскакивала от этого голоса, а утром Шурочка надо мной шутила и говорила: «Будешь-будешь царицей мира, только сначала надо выучиться». Вторым походом в театр был «Лебединое озеро», думали, что Одетту будет танцевать Уланова, но партию Одетты танцевала Головкина, все равно впечатление потрясающее. Искусство – это мой большой вопрос, можно говорить бесконечно о том, что я видела в театре Вахтангова «Иркутскую историю» в исполнении Юлии Борисовой и Михаила Ульянова. Нельзя обойти Третьяковскую галерею, всевозможные выставки и многое другое, так что все мне это пригодилось в дальнейшем в моей педагогической работе. Мы занимались по учебникам, которые писали наши преподаватели. Шеффер – по машиноведению, Куликова – по технологии швейного производства, Скавронский – по моделированию и конструированию и по другим предметам. Многие преподаватели имели клички. Один преподаватель по начертательной геометрии имел кличку «Эпюр на палочке» и всегда возмущался: «Понятно, что эпюр, но почему на палочке?»

Чудесное время пролетело быстро, и наступило время защиты диплома. Моей темой было «Проект швейной фабрики по изготовлению женского легкого платья с мощностью ... ед.» Преддипломную практику я выбрала в г. Ленинграде. Вместе со мной поехали еще 7 человек. Вернее, мы не ехали, а впервые летели самолетом Ту-104. Наша практика должна проходить на фабрике, расположенной на Лиговском проспекте. Встретили нас хорошо, определили нас с жильем на территории фабрики. Наш приезд совпал с белыми ночами, так что день мы находились на фабрике, а ночами знакомились с городом. В это время в городе работали магазины, музеи, кинотеатры и другие учреждения. Старались увидеть как можно больше. Мариинский театр с опереттой «Принцесса цирка» в главной роли с Георгом Отсом. Несколько дней ходили в Эрмитаж, посетили Кунсткамеру, стадион, крейсер Аврору и просто гуляли по ночному Ленинграду.

Очень хорошее впечатление оставили жители Ленинграда – очень вежливые, доброжелательные, на любой вопрос отвечают обстоятельно, вплоть до того, что провожают до места. Это удивительные люди. Большое им спасибо.

В Ленинграде со мной произошел интересный случай. Гуляли мы с Любой Туренко и заметили, что за нами все время ходит мужчина в штатской одежде. Мы остановились, чтобы купить мороженое, мужчина оказался рядом и стал приглашать в кино. Разговаривала с ним в основном Люба, а я все время молчала. Помню, в кинотеатре шел фильм «Белый пудель» по Куприну. Он купил билеты, и мы посмотрели фильм. Потом он проводил нас до общежития, при этом все разговаривал с Любой. Прошло два дня – это был субботний день, некоторые еще спали, в том числе и я, с накрутками из бумаги на голове. Вбегает Надя и кричит: «Вставай! Тебя зовет какой-то военный!» – и стала срывать бумажки с головы вместе с волосами. Когда я вышла, не сразу поняла, кто меня позвал. Мужчина был в полном параде, и сразу трудно было узнать нашего знакомого. Стал рассказывать, что приехал на машине посмотреть Ленинград, обо мне уже все знает, и начал меня фотографировать, не смотря на протесты. В этот день он уезжал по месту нового назначения, в г. Брест. Время практики закончилось, и мы все вернулись в Москву. Настало время выполнения дипломного проекта, и все события отошли в сторону. Мой консультант, Куликова Ираида Петровна, помогала делом и советом в написании диплома. Чтобы усилить внимание к моему проекту, я сшила себе в ателье платье ядовито-зеленого цвета с фигурной плиссировкой юбки, в целом смотрелось потрясающе, и все члены комиссии отвлеклись от диплома и все вопросы задавали по изготовлению моего платья. Защита прошла очень хорошо. Судьба моего платья печальна. Моя знакомая собралась на какое-то мероприятие и попросила мое платье. Я ей дала, но назад не получила, так как она уехала, и больше я ее не видела. Осталось мое платье только на выпускной фотографии с ящерицей на плече.

В общем, я в эйфории от защиты диплома прихожу в общежитие, а у меня на подушке лежит коробка с неизвестным почерком. Собрались все девчата, вскрыли коробку, а там оказались модельный туфель на высоком каблуке, один на правую ногу и целая пачка фотографий ленинградских, никакого письма, только обратный адрес на коробке. Я не знала, что мне делать. Вообще это был неизвестный человек намного старше меня, и я даже не знала, как к нему обращаться, и все же я поблагодарила его и написала, что уезжаю по назначению моей работы. Туфель я носить не могла из-за высокого каблука, а фотографии храню как память. Жалею ли я, что все так закончилось? И да, и нет. Неизвестно, как бы все сложилось, тогда я бы не встретила своего самого дорогого мне человека, отца моих двух сыновей, но это произошло позже.

Настало время, и мы разъехались по всему Советскому Союзу. Саша Кайдалова, Валя Саенко уехали на Украину, Маша Авдеева в Краснодар, Рая Сосновская в Киргизию, Валя Азанова на Алтай и другие по своим республикам.

Ставрополь

Я поехала в Ставрополь на должность преподавателя специальной дисциплины в технологический техникум. Директором техникума был Петр Иванович Новиков. Встретили нас с Лавровой Ниной Степановной хорошо, но с жильем была проблема. Во дворе техникума стоял домик, в нем работал плотник в одной комнате, а во второй разместились мы. Удобств никаких, вода из колонки на улице, печку топили и готовили кушать, когда уходил плотник, туалет во дворе.

Директор обещал, что все это временно, скоро построят общежитие, и весь первый этаж займут преподаватели. В дальнейшем так и получилось, все преподаватели получили по комнате. Моя Нина Степановна тоже переехала в общежитие, а я пошла по другому пути.

В Ставрополе было два крайкома партии, сельским руководил Горбачев Михаил Сергеевич, промышленным Босен-

ко Николай Васильевич. По поводу жилья я обратилась к Босенко. Идя на прием, страшно волновалась. Вначале Николай Васильевич расспросил о моих проблемах, а потом вызвал секретаршу и сказал: «У нас сейчас обед, у нас хороший буфет, но Зоя Петрова отказалась с нами пообедать, поэтому дайте ей чистый лист бумаги, и все, что она мне рассказала, напишет, а если я задержусь, то заявление оставьте на столе и обязательно помогите. Через неделю мне позвонила секретарша и сказала, что мой вопрос решен положительно. Моей радости не было предела, неужели у меня будет свой угол, а не общежитие? Квартиру мне дали однокомнатную, в центре, по улице Ленина 318/4, кв. 60.

В Ставрополе техникум располагался по улице Ленина, эта улица тянулась через весь город. Ходил только один автобус и постоянно переполненный. Само здание было небольшим, двухэтажным, в нем размещались все классные комнаты, учительская, актовый зал и все подсобные помещения.

Встретили нас с Ниной Степановной хорошо, сразу определили нам классное руководство. В мою группу кроме девочек вошли пять ребят. Эти ребята все были уволены из армии в запас, двое из них имели семьи и детей. Так что мои ученики были мне ровесники, а некоторые старше меня. Первый урок знакомства прошел в большом волнении, и мои ученики это видели и всячески меня поддерживали, а когда прозвенел звонок, никто никуда не ушел, меня обступили и стали расспрашивать, задавать личные вопросы. На следующие занятия у меня на кафедре стали появляться громадные георгины. В классе атмосфера была дружелюбная, на уроки я ходила с удовольствием. На праздники мы устраивали концерты художественной самодеятельности, а на праздничные дни ездили в Домбай, катались на подвесной дороге. Почти все свободное время мы проводили вместе. Годы учебы прошли быстро, разлетелись мои ребята в разные стороны. Юра Баранов и Саша Никольченко ушли работать в органы милиции, Толя Головченко был назначен

директором ставропольской швейной фабрики, а девочки распределились по ателье и фабрикам в основном по Ставропольскому краю: в Армавир, Кисловодск, Пятигорск и другие города.

Вскоре было построено новое здание, вернее, два здания технологического корпуса – одно для швейников, второе для механиков. Оба здания были двухэтажные, появилось много классных комнат, мастерские, библиотека, по кабинету имели директор и зав. учебной части, даже секретарь имела свой кабинет. Кроме этого была большая раздевалка и огромный актовый зал. В связи с расширением в техникуме появилось заочное обучение. Наплыв заочников был со всего Советского Союза. В основном из Камчатки, Улан-Удэ, Краснодарского края, Калмыкии и других областей. Загруженность преподавателей была очень высокой. Чтобы мы не останавливались в профессиональном развитии, нас отправляли в творческие командировки. Я бывала в Одессе, Кишиневе, Краснодаре, Киеве, по всему Ставропольскому краю, а также в Москве на Международной выставке одежды. Результаты поездок обсуждались на педсоветах, и новинки внедрялись в обучение. Преподавательский состав в основном был высокой квалификации. Это Горяшко Анна Константиновна, Стимбирис Лилия Тихоновна, Назарова Александра Федоровна, Филиппов Петр Васильевич, Николаев Юрий Павлович, Кекеджан Владимир Анатольевич, впоследствии ставший директором техникума, Крупенников Андрей Михайлович, Коновалова Тамара Михайловна – заведующая учебной части, а также молодое поколение: Белоусова Галина Николаевна, Гондаренко Мария Николаевна (мои ученики) и другие преподаватели, о высокой квалификации могу под каждым подписаться. С выпускниками мы постоянно держали связь и в определенный назначенный срок их собирали.

Встреча проходила в актовом зале за столиками. Приезжали ребята с удовольствием, делились своими успехами, радовались встречам с друзьями и преподавателями.

Жизнь в прекрасном городе Ставрополе и работа в замечательном коллективе техникума стали для меня самым счастливым временем в моей жизни. Здесь я состоялась как личность, у меня появилось много верных друзей, здесь я обрела семейное счастье, встретила самого дорогого человека, родила двоих сыновей, Евгения и Алексея. Муж мой, Евгений Леонидович, 1937 года рождения, был младшим в семье. Кроме него был брат Александр, 1934 года рождения, и сестра Галина, 1931 года рождения. Жил муж с отцом Леонидом Андреевичем и семьей среднего брата. Мать рано умерла.

Знакомство со мной семья приняла неоднозначно. Противилась сестра Галина, зато отец и семья брата встали на мою сторону. Мой муж Женя остался при своем мнении, и мы зарегистрировались в 1964 году. Полюбила я своего Женю вначале за его красоту и за его душевные качества. В 1965 году у нас родился сынок Женечка – копия папы, второй сыночек Алёшенька родился в 1970 году – копия мамы. Муж своих сыновей любил очень сильно.

В то время у меня была большая нагрузка на дневном и заочном отделении, и муж, зная это, оставался с детьми, если они болели. Бывали у меня и командировки, и мой Женя снова входил в мое положение в ущерб своей работе. Кстати, начальство мужа знало, что он обязательно отработает. Вот так крутились, как могли, без ущерба вниманию к детям.

Отработала я в техническом техникуме двадцать лет, но по семейным обстоятельствам пришлось переехать на родину в Волгоград. К этому времени наш техникум стал менять профиль. Отец мой, ветеран войны, был очень болен, и за ним никто не ухаживал. Мы с мужем часто приезжали на своем «Запорожце», помогали одеждой, продуктами, но с каждым разом он таял все больше. Умер он 1 февраля 1979 года, на семидесятом году жизни. Похоронили его в самый трескучий мороз на кладбище у моторного завода.

Квартиру в Ставрополе мы обменяли на квартиру в Волгограде, в районе Жилгородка в 1978 году. Ребята наши под-

росли, и я решила, что работать уже не буду, буду заниматься детьми и домом. Но не все получается, как думается. Муж устроился работать таксистом, а я стала обустривать дом.

При домоуправлении я встала на учет партийной организации, которая состояла в основном из военнослужащих в запасе в количестве более пятидесяти человек. Не прошло и трех месяцев, как меня избрали в состав партийного бюро, а затем секретарем партийной организации, и снова я включилась в работу. На одном из партийных пленумов в райкоме партии я неожиданно встретила лицом к лицу директора Волгоградского технологического техникума Меринова Палладия Васильевича, его дословные слова: «Миленькая моя, ты как здесь оказалась?» После краткого объяснения он сказал, чтобы я на завтра была в его кабинете.

При встрече с Палладием Васильевичем мы договорились, что каждый день приезжать в техникум и давать уроки я не смогу, поэтому остановились на том, что я буду вести курсовое, дипломное проектирование и рецензирование, совмещая партийную работу с педагогической. В общей сложности отработала еще 10 лет. На должность секретаря партийной организации я нашла себе замену, воспитательницу Малахову Таисию Александровну, а профиль техникума поменялся – вместо швейников и механиков на многопрофильные специальности (маникюр, педикюр, массажист, экскурсовод и др.), так что я ушла на заслуженную пенсию. За время работы в Волгоградском техникуме мои сыновья выросли, отучились в техникуме, получили специальности техника-механика трикотажного производства. Старший сын после техникума получил направление на работу с Рембыттехнику мастером цеха по холодильному оборудованию. В 1986 году он женился на сокурснице Валентине Слета, из сельской местности. В том же году у них родился сыночек Кирилл. Валентина давно мечтала иметь свою квартиру в городе и стала разменивать мою квартиру. Этого я сделать не могла, так как у меня был еще один сын. На этой почве она нашла себе нового мужа и ушла. Ребенка перестала давать, хотя он очень любил отца и в итоге убежал от матери в возрасте

В лет. Кириллу 28 лет, живет с нами, и за это время Валентина ни разу не вспомнила о нем и не дала о себе знать.

Трагические события

В 80-х годах мой муж, Евгений Леонидович, работал начальником охраны Волгоградского рыбкомплеса. На дежурстве в ночь на 1 ноября на территорию комплекса проникли воры. Сразу был вызван наряд милиции, началась облава. Муж мой в погоне зацепился ногой за рельсы и со всего размаха упал грудью на вторую рельсу. В горячах он продолжал преследовать воров, не замечая боли. Воров поймали и увезли в милицию. Муж с сильной болью в груди нашел силы доехать на машине домой, поставить машину в гараж, пошутил с соседками, сидящими на скамейках, поднялся на третий этаж. Сказал: «Что-то мне плохо, дай мне воды». Я стала давать ему воду, он свалился на меня, и мы вместе упали на пол. Дома был младший сын Алеша, старший не пришел еще из техникума. Соседка, Валентина Михайловна, вызвала одну скорую помощь, затем вторую, но ничего сделать не смогли. Смерть наступила в 20:15 10 ноября 1984 года. Старший сын Евгений, подходя к дому, увидел у подъезда очень много народу, милицию, врачей, и не понял, что случилось. Затем на его скорбную долю выпала обязанность на своей машине ночью везти отца в морг вместе с участковым милиционером. Похоронили моего мужа в одной могиле с моим отцом Васильевым Петром Николаевичем.

Второй удар случился значительно позже. Мой сын Алешенька, отслужив в армии, женился на женщине с ребенком, потом в 1997 году у них родился второй сын. Вначале жили спокойно, вскоре невестке жизнь показалась тяжелой, и стала она приходить домой ночью изрядно выпивши, дошло до того, что могла не приходить домой до одной-двух недель. Сын все время оставался с тремя детьми (третья – ее дочь).

В конце по ходатайству школы и опеки ее лишили материнства, и сын остался с двумя несовершеннолетними деть-

ми. Жили они в доме, мы старались ему во всем помогать. Сын очень переживал, ему приходилось работать, готовить кушать и воспитывать детей. Однажды, придя домой с ночной смены, приготовил детям еду и отпустил их гулять. Сам лег отдыхать. В пять часов вечера раздается звонок и внучок в трубку кричит: «Папа умер!» Такое не приснится в страшном сне. Хоронить своего ребенка – легче самой лечь в гроб. А внучок ходит следом, плачет и приговаривает: «А что с нами будет? Куда нас денут?» О матери говорить не стоит. Узнав, что умер сын, она тут же выписала детей из домово́й книги в никуда. Детей мы никуда не отдали, старший сын Евгений оформил на себя опеку́нство и вернул им прописку в дом.

В настоящее время дети живут у нас, ни в чем не нуждаются. Младший учится в школе олимпийского резерва, старший в колледже со спортивным уклоном, оба занимаются боксом и оба кандидаты в мастера спорта, имеют очень много медалей, призов, дипломов, грамот.

Все свою жизнь я прожила в мужском коллективе. Вначале муж, два сына, затем добавилось еще трое внуков. С невестками мне не повезло.

Отдельные моменты жизни

Немцев я видела только один раз и в очень большом количестве. После войны пленные восстанавливали наш город, и по утрам их под конвоем вели по дороге. Колонна была очень длинной, первые ряды не видели последних. В районе Баррикад есть красивый парк, огороженный высоким каменным забором на всю длину парка. Из бараков, где мы жили, приходилось идти на работу в ателье именно вдоль забора парка. Впервые я увидела, что по дороге идет колонна пленных немцев мне навстречу. Вернуться было нельзя, дорогу перейти тоже нельзя, мне пришлось идти вперед навстречу этой бесконечной колонне. Расстояние между дорогой и тротуаром было метров 5-6.

Поравнявшись со мной, пленные замедлили шаг и все повернулись в мою сторону, поднялся такой гул! Видно смотрели на плоды своей работы. Пока я шла, у меня асфальт качался и мои костыли все время за что-то цеплялись, больше всего я еще боялась, что от такого стресса я упаду. Мне казалось, что этой ленте не будет конца. В конце стены я сползла на какой-то выступ, и сколько я там сидела, пока незнакомая женщина не помогла мне дойти до ателье. Наша бригадир, Анна Павловна Агеева, видя мое состояние, очень испугалась. Освободили уютное место, постелили ватин и силой уложили меня на стол. После этого я старалась выходить на работу в другое время. В это время мне было 16 лет, с этого возраста я уже работала, кормила, одевала сама себя.

ВЕЩЬ СОН

Моя мама погибла, когда ей было всего 33 года, а мне 6 лет. Я очень скучала, и за все время жизни она ни разу мне не приснилась. Только однажды, когда я была взрослой, была замужем, имела уже первого сына, моя мамочка напомнила о себе. Ночью я спала и слышу, кто-то садится ко мне на край кровати, что это дорогой мне до боли человек. Наклоняется ко мне близко-близко, и я даже чувствую горячее дыхание: «Как живешь, доченька? Тебе плохо было без меня?» Меня как будто подбросило током, вскочила, около меня никого не было, я стала звать маму, но была тишина, все спали. Тогда я пошла на кухню, в ванную, в коридор, обошла всю квартиру, но везде была тишина. На душе было так тоскливо, что я не смогла успокоиться и дала волю своим переживаниям. Услышав мои рыдания, проснулся муж, стал успокаивать. Видения были настолько реальными, что я не могла очень долго успокоиться, вздрагивала на каждый шорох, все время ждала, что позвонят в дверь. Очень хотела, чтобы это видение повторилось, но, увы, этого никогда не было, и тоска по маме всегда при мне:

Если б встретила волшебницу я,
У нее бы спросила, не скрою,
Чтобы мама вернулась моя,
Но, увы, не сбудется чудо такое.

Дорогой человек

После ремесленного училища по распределению я попала в ателье в бригаду Анны Павловны Агеевой. В бригаде было 11 человек, трое – девочки из ремесленного училища: Уля Звернова, Шура Перфилова и я. Наше утро начиналось с того, что Анна Павловна приходила первой с пакетом горячих пирожков для нас. Мы очень стеснялись и всегда отказывались. Почему-то нас она всегда называла мызями. Когда ей надоедало нас уговаривать, она очень сердилась и приговаривала: «Вы, мызи, самые бессовестные девчонки, если б я была ваша мать, то не стала бы долго упрашивать, а как миленькие делали бы все, что я вам говорю!» Наконец мы сдавались, но это повторялось каждое утро. Наш парторг, Ольга Егоровна Галухина, даже писала про нас в местную газету и упоминала эти пирожки. Анна Павловна ко мне относилась особенно. На протяжении всей жизни следила за всеми успехами или неудачами.

Приезжая на каникулы из Москвы, я обязательно ее навещала. Анна Павловна была заядлым грибником, и всегда у нее стояли банки с грибами. После переезда из Ставрополя в Волгоград мы с ней очень сблизились. Анна Павловна не была одиноким человеком, у нее был сын Толик, но после службы в армии в Калининграде женился и остался там жить, так что я стала для нее близким человеком. Иногда я ночевала у нее, она стала часто болеть. Однажды соседка позвонила мне и сказала, что Анна Павловна умерла.

На похороны приехал Толик, один, без жены. Для меня это было большое горе, не стало дорогого мне человека. Похоронили ее на кладбище в районе Красного Октября. Со мной были мои сыновья.

Светлая память доброму человеку.

Содержание

Детство	1
Война	2
Детдом	3
Конец войне	4
Ремесленное училище	6
Камышин	9
Смерть	10
Москва	12
Ставрополь	15
Трагические события	20
Отдельные моменты жизни	21
Вещий сон	22
Дорогой человек	23

